

Ганс Урс фон Бальтазар Созерцание формы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной работе мы попытаемся представить христианское богословие в свете третьей трансценденции, а именно, при-
совокупить к понятиям *verum* и *bonum* и третье — *pulchrum*. Из предисловия будет видно, какой ущерб нанесла христианской мысли утрата этого ракурса, который когда-то насквозь пронизывал все богословие. Речь идет не о том, чтобы волей каприза отправить красоту на непроторенный запасный путь, а чтобы вернуть ее на прежний, магистральный, не утверждая при этом преимущества эстетического принципа перед логическим и этическим. Трансценденции нерасторжимо связаны между собой, и поэтому пренебрежение одной из них разрушительно влияет на остальные. В качестве общего пожелания хотелось бы сказать, что хорошо было бы не обесценивать заведомо этот опыт — а на большее данная работа и не претендует — как «эстетствование», а, по крайней мере, попытаться вслушаться в то, о чем здесь пойдет речь.

Первый том будет постепенно прокладывать дорогу этой теме, приближаясь к ней предметно и исторически. В основной части он поднимет тему богословского познания, в первую очередь его субъективной структуры, а затем и условий его приложения к богословию. Тот факт, что при этом всплывет множество вопросов, которые обычно разрабатываются в так называемом фундаментальном богословии, не должно создавать обманчивое впечатление, что мы здесь развиваем фундаментальное богословие, отличное от догматики и противоположное ей; ход рассуждений скорее будет убедительным свидетельством нерасторжимой связи этих двух аспектов богословия.

Но этого еще не достаточно для того, чтобы проторить дорогу к главной проблеме, вопросу о богословской красоте («Слава»)

* Предисловие к книге *Созерцание формы*, готовящейся к выходу в издательстве ББИ в 2014 г.

самого откровения: второй том, вводящий в суть вопроса, доказывает и демонстрирует главные тезисы, дополняя этим первый. Здесь не будет последовательно излагаться история богословской эстетики, как это было сделано, например, в средневековом труде Эдгара де Бройна, а будет представлена цепочка монографий о наиболее значимых для формирования богословия персонах, от Иринея до наших дней, а тем самым и типология соотношений между красотой и откровением, с формальной точки зрения бесконечно разнообразных, но в своей целостности указывающих на то, что не бывает и не может быть глубокого и исторически плодотворного богословия, которое не было бы зачато и рождено от конstellации *καλός* и *χάρις*.

Главным содержанием третьего тома будет сопоставление философской и богословской эстетики. В нем будет необходимо проработать отдельные темы, не затронутые в первом томе. Речь пойдет о том, чтобы 1) исследовать сущность концепции «Славы» (как трансцендентальной красоты) в рамках западной метафизики (в ее поэтической, философской и религиозной формах); сопоставить результат со 2) «Славой» в Библии Ветхого и Нового Заветов, и 3) проследить ее проникновение в экуменическое богословие (Византия — Рим — Виттенберг). В качестве дополнения необходимо будет поднять вопрос о христианском искусстве.

Если прекрасное объективно находится на точке пересечения двух факторов, которые Фома называет *species* и *lumen*, формой и сиянием, тогда их встреча отмечена двумя процессами — видения и отрешения. Учение о видении и восприятии красоты («эстетика», как его называет «Критика чистого разума») и учение об отрешающей силе прекрасного подчинены друг другу, поскольку никто не может по-настоящему увидеть, если еще не отрешился от всего, и никто не может отрешиться, если не воспринял. То же относится и к богословской взаимосвязи между верой и благодатью, потому что вера, отдаваясь, постигает форму откровения, в то время как благодать уже ранее вознесла верующего в божественные миры. По этой причине первый и третий тома этой работы постоянно ссылаются друг на друга.

Чтобы удерживать равновесие, «Богословская эстетика» должна стать продолжением «Теодраматики» и «Теологики». Если первая исследует главным образом восприятие божественного в его откровении, то вторая занята по большей части содержанием этого восприятия, божественным *действием* в отношении людей, а третья — характером божественного (точнее: богочеловеческого, и в этом всегда богословского) *выражения* этого действия. Только тогда *pulchrum* займет соответствующее место в этой структуре: как средство, при помощи которого божественное *bonum* себя дарит, а *verum* высказывается Богом и понимается человеком. Бог дал

Аврааму первую заповедь веры не в виде словесных формул: то, что тот воспринял, было истиной божественного действия над ним, которое, возможно, лишь столетия спустя было истолковано человеческими словами. И не в смысле фаустовско-фихтеанского «вначале было дело», поскольку уже сама драма между Богом и человеком являет собой Логос-Смысл-Слово, но слово осуществленное, открывающее новое измерение по сравнению со словом доказательным.

І. ВВЕДЕНИЕ

1. Подход и задачи

Начало — не только проблема для думающего человека, философа, которая остается с ним и определяет все его последующие шаги, но также и пра-решение для человека отвечающего, принимающего решение, которое включает в себя все последующие решения. Божественная истина не только достаточно велика для того, чтобы иметь бесконечные проходы и лазы, но и достаточно свободна для того, чтобы помочь человеку, поставившему слишком низкую планку, впоследствии поднять ее и расправить плечи. Тот же, кто стоит перед истиной в ее цельности — истиной не только о человеке и мире, но и об отдающем себя Боге, не только истиной исторического Евангелия и Церкви, его хранящей, но и истиной растущего Царства Божьего, каким оно видится сейчас и в полноте Божьего творения, и в бессилии умирающего зерна во мне и во всех моих братьях, во тьме нашего настоящего и двусмысленности будущего, — тот захочет сказать первое слово, которое не придется потом задним числом забирать или насильственно поправлять, потому что оно было достаточно емким, чтобы вместить в себя все последующие, и достаточно ярким, чтобы просвечивать через них.

Слово, которым мы в этом первом томе запускаем серию богословских исследований, является таким словом, которое философ поставил бы скорее не в начале, а в конце; которое в симфонии точных наук никогда надолго не было поставлено на достойное ему место и не обладало правом голоса; которое, когда избирается темой для обсуждения, выставляет своего автора бездельником и дилетантом перед лицом обремененных заботами профессионалов; наконец, от которого религия, и особенно богословие Нового времени, решительно открестились и дистанцировались, — короче говоря, трижды несвоевременное слово, обремененные которым не имеют шансов возвести ничего путного, да к тому же рискуют сесть сразу между всеми стульями. Но если философ этим словом